

Глава 6

КУБАНСКИЕ БАТЬКИ

Гуманизм не является характерной чертой любой гражданской войны. Однако даже с учетом этой аксиомы борьба красных и белых на Кубани в 1918—1920 гг. отличалась особым ожесточением. Причина этого была та же, что и в других казачьих областях России, — земля. У «иногородних» (выступавших в основном на стороне красных) ее было слишком мало, у казаков (в подавляющей своей массе примкнувших к белым) — слишком много. Естественно, каждая из сражающихся сторон выдвигала из своей среды лихих атаманов-предводителей. В среде вольнолюбивых кубанцев их обычно называли батками.

ПОКРОВСКИЙ

Виктор Леонидович Покровский родился в 1889 г. в Одессе в семье кадрового офицера. В 1909 г. по окончании местного кадетского корпуса и Павловского военного училища он был выпущен в звании подпоручика в 10-й гренадерский Малороссийский полк.

Время это было отмечено первыми успехами в покорении воздушного пространства. Покровский не избежал всеобщего увлечения и, забросав начальство рапортами, добился своего направления в класс авиации Санкт-Петербургского Политехнического института. Освоив азы теоретических знаний, он был переведен в Севастополь-

скую офицерскую воздухоплавательную школу, которую с блеском окончил в ноябре 1914 г. К тому времени в Европе уже вовсю полыхала Первая мировая война. Виктор Леонидович стал летчиком 2-го Сибирского корпусного авиаотряда и принял участие в боях против австрийцев на Юго-Западном фронте.

Впоследствии советский писатель Д. Фурманов характеризовал Покровского как «трусливого и жестокого генерала», но если вторая часть этого определения действительно имела под собой некоторые основания, то что касается трусливости, Фурманов был явно несправедлив...

В июле 1915 г. во время боев под Холмом военный пилот поручик Покровский вместе с наблюдателем корнетом Плонским атаковали вооруженный пулеметами неприятельский «Альбатрос». Открыв пальбу из револьверов, они принудили вражескую машину к посадке на ничейной территории. Посадив рядом свой «фарман», они захватили австрийских летчиков в плен буквально на виду у подбегавшей пехоты противника. После этого подвига имя Покровского прогремело по всей России. В январе 1916 г. он получил звание штабс-капитана и был назначен командиром 12-го армейского авиаотряда.

Февральскую революцию Виктор Леонидович встретил без всякого энтузиазма. Последующая анархия, захлестнувшая армию и государство, превратила его в ярого противника «взбунтовавшихся хамов». Уже весной 1917 г., находясь в Петрограде, он примкнул к тайной офицерской организации, созданной генерал-майором П. Н. Врангелем. Однако что-то у Врангеля и Покровского не заладилось. Судя по всему, расстались они весьма прохладно, и в конце бурного 1917 г. Виктор Леонидович объявился на Кубани.

После прихода большевиков к власти здешняя казачья Рада объявила о независимости края и приступила к созданию собственной армии. Одновременно из местных «иностранцев» стали возникать красногвардейские отряды. Фактически с обеих сторон друг другу противостояли полупартизанские формирования, личный состав ко-

торых практически не подчинялся дисциплине, да и под ружье вставал лишь в тех случаях, когда возникала угроза собственному дому.

Тем не менее в этом хаосе капитан Покровский сумел сколотить довольно боеспособный добровольческий отряд, действовавший в районе Екатеринодара. Во главе своего соединения он сумел нанести поражение превосходящим силам красных под Эйнемом. На короткое время «большевицкая угроза» отступила, и 24 января 1918 г. войсковой атаман Кубанского войска А. П. Филимонов произвел Покровского в полковники, назначив его командующим войсками Кубанского края.

Фактически на юге России возникли два крупных центра контрреволюции — Дон и Кубань. Но если на Кубани под контролем красных остались лишь некоторые сельские районы, то на Дону ситуация была совершенно обратной. В феврале 1918 г., отбиваясь от превосходящих сил большевиков, из донской столицы Новочеркасская выступила Добровольческая армия генералов Корнилова и Алексеева. Обложенные со всех сторон корниловцы двигались на Кубань, которая в этот момент представлялась им чем-то вроде земли обетованной. Кто знает, продержись Покровский до их прихода, и быть бы Виктору Леонидовичу если не первой, то хотя бы второй по значимости фигурой в Белом движении на юге России. Однако продержаться ему не удалось...

В конце февраля войска Покровского были разбиты красными под Выселками и в ночь на 14 марта оставили краевую столицу Екатеринодар. Вместе с воинскими частями город покинули большинство депутатов Рады, кубанское правительство и многие жители.

Отступив в черкесские аулы, Покровский провел реформирование частей, насчитывавших около 3 тыс. человек. До этого момента большинство членов кубанского правительства ратовали за независимость или, как минимум, широкую автономию своего края, а потому весьма сдержанно относились к союзу с добровольцами, выступавшими за «единую и неделимую Россию».

Самому Покровскому идея суверенной Кубани была глубоко безразлична (что он впоследствии и продемонстрировал), но и терпеть над собой верховенство Корнилова ему тоже не очень-то хотелось. Тем не менее в сложившейся обстановке союз с добровольцами стал насущной необходимостью.

28 марта в ауле Шенджи состоялась встреча Покровского и Корнилова. Сергей Леонидович попытался настоять на самостоятельности своих частей при оперативном подчинении командующему Добровольческой армией, однако Корнилов был категоричен: «Одна армия и один командующий. Иного положения я не допускаю». После этого (вероятно, в утешение) Покровский был произведен в звание генерал-майора.

На следующий день усиленная кубанцами Добровольческая армия перешла в наступление на Екатеринодар. В один из наиболее драматичных моментов сражения Сергей Леонидович вновь попытался настоять на самостоятельности своих частей, после чего был отстранен «в распоряжение правительства для дальнейшего формирования Кубанской армии». Выволочка эта настолько потрясла Покровского, что в дальнейшем он превратился в одного из самых ярых бойцов с Кубанским сепаратизмом.

Новый командующий Добровольческой армией А. И. Деникин отправил беспокойного подчиненного с 4 сотнями казаков и черкесов в Лабинский отдел (уезд) для организации местных повстанцев. После того как в очередном сражении под Выселками добровольцы нанесли красным поражение (7 августа), антибольшевистское восстание охватило всю Кубань. Отряд Покровского спустился с гор и начал активные действия, овладев Майкопом и Армавиrom. Через несколько дней это партизанское войско было переименовано в 1-ю Кубанскую казачью дивизию.

Правда, успехи Виктора Леонидовича имели и свои негативные последствия. Сражавшийся на соседнем участке генерал Врангель действовал крайне неудачно и сумел выбраться из кризисного положения лишь благодаря победам Покровского. Зависть и ревность к чужой славе являются

традиционными пороками для многих выдающихся полководцев. «Черный барон» также не был от них свободен, и нашему герою не раз пришлось в этом убедиться, после того как Врангель стал его непосредственным начальником в качестве командующего Кавказской армией...

Между тем горечь поражений не миновала и самого Виктора Леонидовича. В начале сентября 1918 г. его дивизии было поручено задержать и уничтожить прорывавшуюся на соединение с основными силами красных Таманскую армию. Однако в боях под Белореченской части Покровского, в свою очередь, оказались разбиты авангардной колонной Ковтюха, после чего откатились к Екатеринудару. Генералу едва ли не голышом пришлось спасаться от большевиков на неоседланной лошади...

Эпизод этот вызвал ехидные насмешки со стороны многих руководителей Добровольческой армией. Следует отметить, что даже получив генеральское звание, Виктор Леонидович так и остался для них чужаком. Некоторые мемуаристы объясняют это жесткостью Покровского, вспоминая сказанную им фразу: «Вид повешенного оживляет ландшафт и повышает аппетит». Добротой генерал действительно не блистал, но главная причина заключалась в другом: Виктор Леонидович не принадлежал к категории избранных — выпускников Академии Генерального штаба и уже в силу этого обстоятельства считался выскочкой. В качестве обратного примера можно вспомнить, что примкнувший к добровольцам с большим опозданием генштабист П. Н. Врангель сразу же получил под свое командование бригаду и автоматически сравнился с Покровским по своему положению...

В январе 1919 г. Виктор Леонидович возглавил 1-й Кубанский конный корпус и был произведен в генерал-лейтенанты. В мае во время боев на Маныче он успешно громил красную конницу Буденного, однако в ходе дальнейших событий корпус, как и вся Кавказская армия Врангеля, оказался отодвинут на периферию.

К осени главные силы белых устремились на Москву, а Врангелю между тем приходилось заниматься крайне

неприятной миссией по утихомириванию Кубанской Рады. Поток людских и материальных резервов с Кубани, подпитывавший Белое движение, постоянно уменьшался. Между тем местные политики вновь заговорили о суверенитете, фактически закрывали глаза на большевистскую агитацию и к тому же заключили договор о взаимном признании с антиденикинским «меджлисом горских народов Кавказа». Подобные действия белое командование вполне обоснованно расценило как изменнические, причем обязанность по их пресечению Врангель изящно перекинул на Покровского.

Виктор Леонидович взялся за дело со всей присущей ему решительностью. 18 ноября он предъявил Раде ультиматум, требуя выдать Калабухова (одного из инициаторов подписания договора с меджлисом) и еще 12 лидеров сепаратистов. По истечении назначенного срока войска Покровского окружили здание Рады, после чего генерал назначил новый срок для выполнения своих требований — 5 минут. Все вожди «самостийников» сдались без сопротивления. Калабухов был повешен, остальные высланы в Константинополь. В качестве награды за свою энергию Покровский получил под свое командование Кавказскую армию, сменив на этом посту Врангеля (отстраненного за постоянные интриги против Деникина).

Усмирение Кубани успешно завершилось, однако симпатии местного казачества после этих событий начали склоняться на сторону красных. Данное обстоятельство, несомненно, сыграло свою роль в успешном и довольно быстром завоевании края большевиками в феврале-марте 1920 г.

Провал наступления на Москву и последующие неудачи привели к отставке командующего вооруженными силами Юга России А. И. Деникина (4 апреля 1920 г.). В белогвардейском генералитете начался очередной раунд взаимных интриг, причем одним из наиболее реальных претендентов на вакантное место «царя Антона» считался именно Покровский. Тем не менее «корона» командующего ВСЮР досталась его старому сопернику П. Н. Врангелю. В конкурентах «черный барон» не нуждался, и по-

сле того как Виктор Леонидович в очередной раз оказался записанным в резерв, ему ничего не оставалось, как эмигрировать из белогвардейского Крыма в Европу (май 1920 г.). Прошло менее полугода, и следом за Покровским в эмиграции оказались все его бывшие соратники и соперники по Белому движению, в том числе и сам Врангель.

Пожив в Париже и Берлине Виктор Леонидович перебрался в Болгарию. Здесь разместились значительная часть врангелевской армии и, в том числе, земляки Покровского — кубанцы. Политическая ситуация внутри Болгарии в это время была беспокойной. У власти находилось левое правительство «земледельца» А. Стамболийского, весьма лояльно относившееся к большевистскому режиму. Осенью 1922 г. в Болгарии появилась миссия советского Красного Креста, практически целиком состоявшая из чекистов. Многие эмигранты стали с ней сотрудничать и даже организовали «Союз возвращения на Родину» («Совнарод»).

В ответ Покровский создал нелегальную организацию и даже попытался отправить около 60 своих боевиков на берега Кубани для организации восстания.

Однако почти все они были арестованы в варненском порту болгарской полицией. Самому Покровскому удалось скрыться, и его люди в отместку развернули настоящий террор против советских агентов и предателей из «Совнарода». После того как был убит один из лидеров «возвращенцев» Александр Агеев, терпение местных властей лопнуло.

Виктор Леонидович укрывался в городке Кюстендиле и уже собирался бежать в Югославию. Вместе с ним находились его ординарец Кричевский, полковник Улагай и убийца Агеева Сергей Бочаров. В операции по их аресту кроме болгарских жандармов участвовали и чекисты из Красного Креста — Иванов, Чайкин, Фирин, Озол.

7 ноября 1922 г., в очередную годовщину Октябрьской революции, дом Покровского подвергся настоящему штурму. После ожесточенного сопротивления Кричевский и Бо-

чаров были схвачены, Улагай высадил окно и бежал. Сам Покровский успел ранить сотрудника «Общественной безопасности» Кюмиджева и в отместку получил удар штыком в грудь. Рана оказалась смертельной, и 9 ноября Виктор Леонидович скончался в больнице города Кюстендиле.

КОВТЮХ

Епифан Иович Ковтюх родился в 1890 г. в станице Полтавской Таманского отдела Кубанского казачьего войска в семье «иногородних» крестьян. В детстве и юности ему приходилось батрачить на казаков, и, вероятно, именно тогда в его сердце заронились зерна классовой ненависти к своим более состоятельным землякам.

С началом Первой мировой войны Ковтюх был призван в армию. Здесь в составе корпуса генерала Баратова ему довелось поучаствовать в сражениях на территории Персии и Турции. За храбрость в боях он был награжден двумя Георгиевскими крестами и направлен в школу прапорщиков. Получив офицерское звание, Епифан Иович вернулся на фронт и вновь проявил себя с самой хорошей стороны. Февральскую революцию он встретил уже в звании штабс-капитана.

Гибель старой России Ковтюх воспринял без всяких сожалений. Как писал Фурманов, «офицерский чин не тронул, не изменил сырую и свежую натуру Ковтюха, не заразил его недугами гнилой офицерской среды». Находясь в Эрзеруме, Епифан Иович был послан в какую-то незначительную местную командировку, однако вместо того чтобы вернуться обратно, укатил напрямик на Кубань, в свою станицу Полтавскую.

Правда, мирной жизни на родине не получилось. Иногородние приступили к стихийному переделу земель, казаки ответили ожесточенным сопротивлением. Каждая из сторон начала формировать собственные войска и органы власти; с одной стороны — Областной совет и Военно-революционный комитет, с другой — Кубанская Рада. Масла в огонь подливали отходившие с Кавказа бывшие

части регулярной армии, не раз учинявшие жестокие погромы в казачьих станицах.

Один из таких отрядов нагрянул в Полтавскую и едва не расстрелял Ковтюха как бывшего царского офицера. После этой истории Епифан Иович твердо решил, что в начинающейся заварухе ему следует примкнуть к одной стороне. Его выбор пал на большевиков.

Из своих односельчан Ковтюх сформировал так называемую 2-ю Полтавскую роту, с которой присоединился к более крупному отряду Ф. И. Рогачева. В апреле после ожесточенного и успешного для красных боя у Копанской этот отряд был переименован в 1-й Северо-Черноморский Кубанский полк, а Епифан Иович занял должность помощника командира по строевой части.

Через две недели у станицы Таманской бойцы Рогачева и Ковтюха противостояли не только казакам, но и более опасному противнику — 58-му Берлинскому полку германской армии. Тем не менее и в этот раз красные если не разбили, то по крайней мере сумели отогнать противника.

Авторитет Ковтюха вырос настолько, что в июне он уже фактически руководил обороной Екатеринодара вплоть до подхода главных сил Северокавказской Красной армии во главе с Сорокиным. Затем Епифан Иович выехал на Тамань, где принял командование над войсковой колонной, занимавшейся подавлением казачьих восстаний в местных станицах.

Здесь его застала весть о взятии белыми Екатеринодара. Части Сорокина были отброшены в Терскую область, в результате чего большевистские войска на Тамани оказались со всех сторон окружены противником.

Деморализованные и брошенные на произвол судьбы таманские отряды красных начали стягиваться к станице Верхне-Баканской. К 25 августа здесь собралось около 40 тыс. бойцов и 15 тыс. беженцев. После бурного митинга и совещания командиров было принято решение прорываться к своим. Все части были объединены в единую Таманскую армию во главе с моряком Иваном Матвеевым. Организационно армия разделялась на три колонны. Ко-

мандующим 1-й (авангардной) колонной был выбран Ковтюх. Впоследствии именно ему и довелось стать главным героем знаменитого похода, увековеченного А. С. Серафимовичем в романе «Железный поток».

27 августа, отбиваясь от висевших на хвосте белых, таманцы прошли через занятый германскими войсками Новороссийск. Шокированные появлением огромной и совершенно бандитской по виду массы вооруженных людей малочисленные немецкие части не решились чинить ей препятствия. Только при выходе из города стоявшие в порту германские корабли обстреляли как красных, так и преследовавших их казаков. Ни те, ни другие не обратили на эту пальбу особого внимания.

Далее таманцы вторглись по территории новорожденного грузинского государства, наголову разбили выступившую против них 10-тысячную дивизию и подчистую разграбили Туапсе.

Пройдя по узким горным дорогам, красные оставили земли Грузии и вновь очутились на российских равнинах.

На подступах к Белореченской дороге им преградили войска Покровского. Все это время колонна Ковтюха двигалась впереди, и именно ему белый генерал прислал весьма экспрессивное письмо угрожающего содержания: «Ты, мерзавец, опозорил всех офицеров русской армии и флота тем, что решился вступить в ряды большевиков, воров и босяков. Имей в виду, что тебе и твоим босякам пришел конец: ты дальше не уйдешь, потому что окружен моими войсками и войсками генерала Геймана. Мы тебя, мерзавца, взяли в цепкие руки и ни в коем случае не выпустим. Если хочешь пощады, то есть за свой поступок отделаться арестантскими ротами, тогда я приказываю тебе исполнить мой приказ следующего содержания: сегодня же сложить все оружие на ст. Белореченской, а разоруженную банду отвести на 4-5 верст западнее станции; когда это будет выполнено, немедленно сообщи мне на 4-ю железнодорожную будку!».

Эта встреча закончилась поражением Покровского и очередным триумфом большевиков. До войск Сороки-

на теперь оставалось всего несколько километров, однако, считая Таманскую армию давно уничтоженной, они продолжали отступление. В ночь на 17 сентября помощник Ковтюха на вооруженном пулеметом автомобиле прямо через лагерь белых прорвался в станицу Лабинскую и успел сообщить красным о подходе таманцев.

В тот же день в станице Дондуковской передовые части Матвеева соединились с армией Сорокина. В качестве своеобразного эпилога еще через день колонна Ковтюха овладела Армавиром.

Таманский поход успешно завершился, однако, несмотря на временное улучшение, положение большевиков на Кубани и Северном Кавказе по-прежнему оставалось крайне тяжелым. Ситуация осложнялась раздорами в красном командовании. По приказу Сорокина И. Матвеев был расстрелян за отказ выполнить приказ об отступлении к Астрахани. Место Матвеева занял Ковтюх, который тут же слег в госпиталь с брюшным тифом.

Подвернувшаяся очень кстати болезнь, возможно, спасла Епифана Иовича от серьезных неприятностей. Талантливый, но излишне амбициозный Сорокин рассорился с Кубано-Черноморским ЦИК. До определенного момента исход конфликта был совершенно неясен, и Ковтюх, пытавшийся балансировать между противоборствующими сторонами, вполне мог стать одной из случайных жертв.

В конце концов Сорокин был смещен со своего поста и попытался укрыться в Ставрополе. Однако в городе находились таманцы, весьма обиженные на него за гибель Матвеева. Они тут же заключили бывшего командарма в тюрьму, а затем без суда расстреляли его в тюремной камере. Вслед за тем в Ставрополь вступили белые, а отряды таманцев начали отход к Астрахани. Именно туда на одной из повозок доставили и тяжело больного Ковтюха.

После выздоровления Епифан Иович был вызван в Москву для доклада в Реввоенсовете республики. Здесь ему удалось добиться решения о создании из остатков Таманской армии новой 50-й стрелковой Таманской дивизии. Осенью 1919 г. эта воинская часть была сформирована

и отправилась на фронт. 2 января 1920 г. дивизии Ковтюха и Дыбенко овладели Царицыном. В руки таманцев попало 60 эшелонов с оружием и припасами, а московские рабочие прислали им в качестве подарка красное знамя.

Для преследования противника все кавалерийские части 11-й армии были сведены в отдельный кавкорпус под командованием Ковтюха. За последующие 20 дней его войска прошли 270 километров, достигли Маныча и выбили белый корпус генерала Попова из важного железнодорожного центра Тихорецкой. Развивая успех, красные достигли Екатеринодара, и здесь Ковтюха вновь свалил тиф. Уже без него таманцы по второму разу захватили Туапсе, а затем и Сочи, где вынудили капитулировать остатки сил противника. Спустя полтора года, пройдя через победы и поражения, потеряв многих своих товарищей, герои «железного потока» вновь вернулись в родные места.

Выздоровев, Епифан Иович стал комендантом Екатеринодарского укрепленного района. В этом качестве весной 1920 г. ему пришлось выдержать последнюю битву с белыми за Кубань. Пытаясь вырваться из Крыма, Врангель поручил генералу Улагаю высадиться в районе станции Приморско-Ахтарской. Начавшаяся 14 августа операция поначалу развивалась успешно для противника. За 4 дня белые продвинулись на 50—80 километров в глубь советской территории, однако затем наступление застопорилось.

Надежды на массовое восстание кубанского казачества не оправдались. Подтянув резервы, большевики начали готовиться к контрудару. Наиболее ответственное задание выпало на долю Ковтюха. Во главе отряда из тысячи бойцов на семи судах ему предстояло пройти по рекам Кубани и Протоке и высадиться в глубоком тылу неприятеля у станции Гривенской.

Для обеспечения скрытности Епифан Иович послал вдоль берега конные разъезды, переодетые в форму белогвардейцев. За одну ночь они без шума вырезали вражес-

кие пикеты, благодаря чему появление красных у Гривенской стало для противника полной неожиданностью. Штабы белых были разгромлены, однако овладеть всей станцией с ходу Ковтюху так и не удалось. Единственный неприятельский аэроплан успел взлететь и сообщить фронтовым частям о происходившей катастрофе.

Неожиданность происходившего увеличила масштабы паники. Все части белых устремились к Ачуеву, мечтая лишь об одном — как можно скорее добраться до своих судов. Проблема заключалась в том, что дорога к Ачуеву лежала через Гривенскую. Не в силах сдержать почти восьмикратно превосходящие силы врага, отряд Ковтюха все-таки закрепился в южной части станицы, существенно затруднив отступление и нанеся противнику огромные потери.

7 сентября остатки улагаевского десанта эвакуировались обратно в Крым. Гражданская война для Ковтюха закончилась.

Будучи кавалером трех орденов Красного знамени, Епифан Иович стал поистине легендарной фигурой на Кубани. В масштабах же всей страны его популярности немало способствовал роман Серафимовича «Железный поток», в котором он был выведен под именем Кожуха. Вскоре после публикации книги на французском языке один из рабочих завода «Рено» прислал в редакцию «Юманите» восторженное письмо: «Неужели действительно жил такой Кожух? Неужели могли быть такие герои? Не верится, хоть и хочется поверить!». Ковтюх написал ему послание, после чего в ответном письме пылкий француз заверил, что теперь он понял, «как такие люди, как вы, создают подобные чудеса».

В 1920-х гг. Епифан Иович закончил военную Академию, после чего командовал стрелковым корпусом и входил в состав Военного совета при Наркомате обороны СССР. В 1938 г. в ходе сталинских чисток, подобно многим другим героям Гражданской войны, он был расстрелян как враг народа. На некоторое время имя его оказалось выброшенным из истории, но не из литературы.

«Железный поток» по-прежнему проходили в советской школе, а миллионы коммунистов во всем мире по-прежнему пытались «делать свою жизнь», беря пример с товарища Кожуха.

Уже в силу своего происхождения и воспитания дворянин Покровский и крестьянин Ковтюх были, что называется, «запрограммированы» на то, чтобы оказаться со временем в противоположных лагерях.

Являясь людьми примерно одинаковых талантов, энергии и отваги, они на какое-то время даже сравнивались в положении и оба встретили Февральскую революцию в звании штабс-капитанов. Тем не менее впоследствии классовые противоречия вновь дали о себе знать и в конечном счете развели их по разные стороны окопов.

Последующие судьбы двух военачальников сложились по-разному (хотя в обоих случаях случаях финал был достаточно трагичным). И в общем-то единственным, что роднило Покровского и Ковтюха в Гражданскую войну, было закрепившееся за ними на Кубани прозвище — батька.